

Майкл Д. КЕННЕДИ

*Профессор социологии, директор Центра
российских и восточноевропейских исследований,
директор Центра европейских исследований /
Центра Евросоюза Мичиганского университета
(Анн-Арбор, США).*

Элизабет ИГЕН

*Ранее стипендиат Фулбрайтской программы в Грузии,
в настоящий момент готовится к получению степени магистра
российских и восточноевропейских исследований и
магистра публичной политики в Мичиганском университете
(Анн-Арбор, США).*

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ПЕРЕХОДНАЯ КУЛЬТУРА В ГРУЗИИ

*О книге Владимира Папавы
«Некрэкономика: политическая экономия
посткоммунистического капитализма
(опыт Грузии)» —
Нью-Йорк — Линкольн — Шанхай:
изд-во «iUniverse», 2005*

Владимир Папава, в 1994—2000 годах занимавший пост министра экономики Грузии, а сегодня стипендиат-исследователь Фулбрайтской программы («Программа взаимного обмена в области обучения и науки») в Школе современных международных исследований при Университете Джонса Хопкинса (SAIS) — из тех аналитиков, кого приятно было бы видеть в своем ближайшем окружении, а может, и в правительстве своей страны. Эрудированный, четко формулирующий мысли, обильно использующий в своей устной и письменной речи живые образы, — он всегда отлично понимает, что именно хочет сказать, и мастерски доносит свои мысли до окружающих. И хотя его работы хорошо известны многим экономистам, новая книга делает его дисциплинарные находки и практический опыт доступными более широкой аудитории ученых и практиков. Это отличное чтение и стимулирующий вызов для концепции «транзитной культуры», предложенной ранее одним из авторов этих строк¹.

Разумеется, в рамках транзитной культуры всячески акцентируется противопоставление социализма и капитализма, идея о полной исчерпанности первого, нормативные и институциональные преимущества второго. В ней также высок статус профессиональных общетеоретических знаний о законах и механизмах рыночной экономики и демократи-

¹ См.: *Kennedy M.D. Cultural Formations of Postcommunism: Emancipation, Transition, Nation, and War.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002.

ческих политических систем. Обо всем этом В. Папава сообщает много нового и интересного, существенно расширяя общие представления о посткоммунистическом капитализме. Весомый вклад вносит он и в понимание проблем на эмпирическом уровне, рассматривая экономические реформы в Грузии как сами по себе, так и в сравнении с процессами трансформации в Польше. Соединение глубоких теоретических знаний с практическим опытом В. Папавы побуждает читателя переосмыслить важнейшие элементы «базового инструментария» транзитной культуры, особенно в том, что касается понимания конкретной ситуации, в которой протекают переходные процессы.

Транзитная культура не склонна придавать большое значение местным условиям, особенно в лице тех, чьи «экспертные притязания» основываются на хорошем знании теорий и на обобщенных сравнениях. Однако можно предположить, что со временем наиболее эффективными агентами перемен окажутся как раз те, кто знаком не только с общими транснациональными принципами, но и с их модификациями в конкретных условиях. В. Папава как раз и являет собой пример подобного сочетания.

Одна из самых захватывающих глав книги — та, где автор анализирует «ошибки» МВФ. Фонд, отмечает В. Папава, «нередко просто не обращает ни малейшего внимания на историю, культурные традиции и национальные особенности стран, где он действует»². Такая позиция Фонда объясняет, почему на переговорах, проходивших в 1992 году, МВФ мог предложить своим грузинским партнерам возмутительную для них рекомендацию остаться в рублевой зоне. Это предложение шло вразрез с главным стремлением постсоветской Грузии — избавиться от советского, а затем российской имперского влияния. Разумеется, у МВФ могли быть технические и политические резоны, чтобы считать рубль предпочтительнее — и В. Папава сам же обсуждает такие резоны. Но все это лишь подтверждает наличие в транзитной культуре дисбаланса между транснациональной и «локальной» компетентностью.

Критикуя МВФ за нежелание учитывать роль социокультурного контекста, В. Папава тем не менее подчеркивает ведущую роль Фонда и других транснациональных организаций в обеспечении эффективного экономического перехода. И если бы они сумели избежать нынешних ошибок, реформы, без сомнения, были бы более реальными и действенными. Таким образом, у транснациональных игроков есть возможность почерпнуть в книге В. Папавы немало ценного. Однако еще полезнее она может оказаться для их национальных партнеров по транзитной культуре.

В. Папава проявляет и глубочайшее понимание социальной стороны проблемы, показывая, как правительства загоняют себя в двойной тупик, когда приписывают свои непопулярные меры давлению со стороны МВФ. В конце концов, никакое соглашение не заключается, если само правительство не согласно на условия МВФ (В. Папава, правда, оставляет в стороне вопрос о соотношении сил, позволяющем одному из участников навязывать на переговорах свою волю). Перекладывая всю ответственность на МВФ, правительство, во-первых, дискредитирует в глазах общественности разумные рекомендации Фонда, во-вторых, выставляет себя еще более неумелым и неэффективным переговорщиком. Впрочем, правительства порой и правда выглядят за столом переговоров не лучшим образом: автор вспоминает случаи, когда для ведения переговоров Грузии не удавалось сформировать достаточно хорошую команду, в результате МВФ не считался даже с разумными аргументами Тбилиси. В общем, размышления В. Папавы могут помочь правительствам тщательнее взвешивать свои действия как при публичном освещении своих переговоров с транснациональными партнерами, так и при ведении самих переговоров за закрытыми дверями. Его даже можно было бы назвать идеальным помощ-

² *Papava V. Necroeconomics: The Political Economy of Post-Communist Capitalism (Lessons from Georgia)* New York, Lincoln, Shanghai: iUniverse, Inc. 2005. P. 144.

ником в ситуациях, когда необходимо заранее рассчитывать и вероятный резонанс общества на переговоры, и самый их ход.

Вклад В. Папава в разработку содержательных основ для переговоров на уровне экспертов особенно очевиден, когда он обращается к вопросу о государственных финансах. Рецензенты недостаточно разбираются в этой отрасли экономики, чтобы оценивать аргументы исследователя. Однако трудно отрицать убедительность его аргументов — и рассуждений, и формальных моделей — в пользу того, что путь к «налоговой терапии» для посткоммунистического капитализма лежит на путях некоего лафферовско-кейнсианского синтеза³ и что при рассмотрении государственных финансов на посткоммунистическом этапе к государству следует подходить как к пятому фактору производства. Специалисты смогут немало почерпнуть из его рассуждений.

В том, что касается его теории экономических агентов, В. Папава демонстрирует помимо собственно экономической компетентности глубокое социологическое мышление. Вся экономическая теория в очень большой степени опирается на исходное представление о *homo economicus*. Однако автор справедливо утверждает, что в условиях посткоммунистического капитализма *homo economicus* как экономический агент не настолько типичен, чтобы на этих представлениях можно было основывать теоретическое описание и конструирование переходного процесса. Даже в моделях экономического поведения нельзя исходить из того простого предположения, что эти агенты мотивированы на стремление к максимизации прибыли для своей компании или своего домохозяйства. Но столь же ошибочно было бы моделировать экономическое поведение, основываясь на представлении о *homo sovieticus*, ибо экономические агенты больше не зависят целиком от государства и не находятся в его полном распоряжении. Сама конфигурация субъектов экономики пребывает в переходном состоянии и сочетает черты обоих типов. И если мы примем его идею о «*homo transformativus*» («человеке переходном»), то мы сможем существенно усовершенствовать наши теории транзита, прекратив воспринимать экономических агентов на постсоветском пространстве, в частности на пространстве Грузии, как предпринимателей. В. Папава предлагает характеризовать их как «дельцов», что должным образом передает смысловой оттенок ситуации теневой экономики, в которой они действуют.

Эта группа наполняет свои кошельки не на управленческой и социальной деятельности по производству качественных или более дешевых товаров, а на основе использования своих связей. В. Папава приводит поистине громадный список таких примеров. Но для понимания посткоммунистической трансформации важнее другое: если эта элита, дельцы, сумеет сохранить влияние, обеспечиваемое положением в социальных сетях, то непонятно, в какой мере даже эффективная реформа способна будет уменьшить масштабы данного сектора. Очевидно, необходимым, хотя и недостаточным условием для успеха здесь является политическая воля, а именно ее и не хватало в последние годы правления Шеварднадзе (о чем свидетельствует и неудача его попытки осуществить Программу экономического развития и сокращения бедности в Грузии в 2003 г.). Труднее ответить на вопрос, чего не хватает правительству, сформированному после «революции роз».

В. Папава отмечает ряд улучшений: МВФ, который прекратил свои программы в Грузии в 2002 году, летом 2004-го вернулся в страну. Революция в Абхазии (6 мая 2004 г.) улучшила отношения этой мятежной провинции с Центром и увеличила налоговые поступления в государственную казну. Введен новый Налоговый кодекс. Начались крупные кампании по борьбе с коррупцией. В. Папава отдает должное новому правительству там, где оно того заслуживает. Но МВФ в своих лифтиках новому послереволюционному правительству идет еще дальше: «После «революции роз» в ноябре 2003 года правитель-

³ Ibid. P. 108

ство ускорило переход к открытой рыночной экономике, что особенно наглядно проявилось в реформе Налогового кодекса, импульсе к приватизации и поддержке шагов по улучшению делового климата. К выдающимся успехам следует отнести радикальное улучшение ситуации со сбором налогов. Используя другие термины, Грузия вступила на перспективный путь, ведущий к устойчивому росту и уменьшению бедности»⁴. Позднее Фонд по-прежнему отмечал «впечатляющее улучшение ситуации со сбором налогов, что подкрепляется решительным наступлением на коррупцию»⁵. Однако, по мнению В. Папавы, не все так благозвучно, но мы не всегда это замечаем — отчасти потому, что сегодня МВФ ставит условия и требования не столь жестко, как в 1990-х годах, и критика с его стороны и со стороны Всемирного банка звучит не столь громко и не вызывает столь значительных последствий. Так, в Грузии, вопреки рекомендациям МВФ, поступления в казну от антикоррупционной кампании не проходят через обычный механизм бухгалтерского учета и бюджетного контроля, что создает дополнительные возможности для расходования средств по «усмотрению», в обход всякого парламентского или правительственного контроля. И хотя приватизацию как таковую следует всячески приветствовать, большинство предприятий в рамках программы по ее выполнению были приобретены российскими фирмами, прямо или косвенно связанными с властями РФ. Так что В. Папавы выражает беспокойство: не рождаются ли в Тбилиси новая форма власти, действующая на основе дискреционных полномочий, и новая форма внешнего имперского контроля, пусть и осуществляющегося не через органы советской власти, а через российский капитал. Разумеется, все эти геополитические проблемы глубочайшим образом связаны с транзитной культурой. М. Кеннеди, один из авторов этих строк, в последнее время активно пересматривает взгляды на силовой потенциал и на проблематику энергетической безопасности. В 1990-х годах лежавшие в основе тогдашней транзитной культуры⁶, но В. Папавы идет в этом направлении намного дальше. Для развития своей аргументации он прибегает к теории формального рынка. Собственно, его термин «некроэкономика» приобретает смысл именно в противопоставлении «витаэкономике»: хотя при той и другой производят товары, но спрос существует лишь в рамках последней, так как «то, что производят в некроэкономике, из-за низкого качества и/или дороговизны не может породить никакого спроса»⁷. Политика государства во многом определяется именно сохранением этой «мертвой зоны», несмотря на отсутствие реального спроса на ее продукцию. В. Папавы признает эту реальность политэкономии посткоммунистического капитализма, предлагая новую (новаторскую) экономическую теорию и стратегию вмешательства в национальную экономику. Правда, как соотносятся и взаимодействуют некроэкономика и империализм, остается неясным, а именно в этом, как представляется, и состоит центральный вопрос не только экономической теории, но и практической политики.

Влияет ли на развитие эффективной рыночной экономики Грузии рост принадлежащих здесь России экономических активов и попытки Москвы укрепить контроль над энергетической инфраструктурой Южного Кавказа? Обусловлена ли поддержка Соединенными Штатами трубопровода Баку — Тбилиси — Джейхан одной лишь заинтересованностью Вашингтона в диверсификации поставок энергоресурсов из Каспийского ре-

⁴ International Monetary Fund Press Release No. 05/140, 13 June 2005. Statement by IMF Managing Director Rodrigo de Rato at the Conclusion of His Visit to Georgia [http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2005/pr05140.htm].

⁵ International Monetary Fund Press Release No. 05/165, 20 July 2005. «IMF Executive Board Completes Second Review of Georgia's PRGF Arrangement and Approves US\$20.2 Million Disbursement» [http://www.imf.org/external/np/sec/pr/2005/pr05165.htm].

⁶ См.: *Kennedy M. D. From Transition to Hegemony: Extending the Cultural Politics of Military Alliances and Energy Security*. В кн.: *Transnational and National Politics in Postcommunist Europe* / Ed. by Mitchell Orenstein and Steven Bloom (книга на рецензии).

⁷ *Papava V. Op. cit.* P. 32.

гиона или же для США эта магистраль — форма геополитического противостояния России? Грузия очевидным образом находится в самом центре этих стратегических вопросов, но В. Папава — как раз тот человек, который сам постоянно находится в центре обсуждения такой о рода экономических и политических проблем⁸. Похоже, что для анализа переходных процессов необходимы помимо анализа некро- и вигээкономики и новый взгляд, позволяющий систематизировать и описывать развитие механизмов рынка и демократии, и новый подход, основывающийся на понимании того, как российские, европейские, американские и транснациональные институты должны использовать сегодня свое влияние, чтобы интегрировать мир в систему лишь победителей, но не побежденных, в систему взаимодополняющей и конкурирующей экономики. Можно поспорить, что В. Папава мостит дорогу именно такому подходу, и его книга — первый том такой теории.

⁸ См., например, *Papava V. The Baku – Tbilisi – Ceyhan Pipeline: Implications for Georgia*. В кн.: *The Baku – Tbilisi – Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West* / Ed. by Frederick Starr and Svante E. Cornell. Washington DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center, 2005.